

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003

Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОВЧИННИКОВ

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

Реферат

Введение: в современной юридической науке недостаточно разработаны методологические основы пенитенциарной политики, которая понимается как социально-правовой феномен, объясняющий закономерности и процессы применения мер уголовно-правового воздействия в целях обеспечения правопорядка в обществе и государстве. *Цель:* сформулировать онтологические признаки национальной пенитенциарной политики, а также раскрыть их сущность и методологическое значение. *Задачи:* изучить теоретические подходы к пониманию сущности пенитенциарной политики; определить векторы развития научной пенитенциарной мысли; обозначить траектории эволюции признаков пенитенциарной политики. *Методы:* индукция и дедукция, абстрагирование, историко-правовой, компаративистский, моделирование. *Результаты:* познание сущности пенитенциарной политики возможно через призму осмысления содержания ее структурных элементов, очерчивающих контуры данного концепта. Пенитенциарная доктрина, правовая регламентация мер уголовно-правового воздействия, порядка их исполнения, а также показатели пенитенциарной статистики наиболее полно характеризуют сущность национальной пенитенциарной политики. *Выводы:* в результате проведенного исследования были обоснованы сущность и методологическое значение признаков национальной пенитенциарной политики, которые определяют ее как целостный политико-правовой феномен, отличный от других смежных категорий, используемых в уголовно-правовой науке. Отмечается, что методологические контуры пенитенциарной политики оформились во второй половине XIX – первой четверти XX в. благодаря научным школам Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии и России.

Ключевые слова: пенитенциарная политика; меры уголовно-правового воздействия; уголовно-исполнительное законодательство; исполнение наказаний; пенитенциарная статистика.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Овчинников С. Н. Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003.

Original article

Features of National Penitentiary Policy and Their Methodological Significance

SERGEI N. OVCHINNIKOV

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

© Овчинников С. Н., 2024

Abstract

Introduction: modern legal science has not sufficiently developed methodological foundations of penitentiary policy, which is understood as a socio-legal phenomenon explaining the patterns and processes of applying criminal law measures in order to ensure law and order in society and the state. *Purpose:* to formulate ontological features of national penitentiary policy, as well as to reveal their essence and methodological significance. *Tasks:* to study theoretical approaches to understanding the essence of penitentiary policy; determine vectors of development of scientific penitentiary thought; identify trajectories of the evolution of penitentiary policy features. *Methods:* induction and deduction, abstraction, historical and legal, comparative, modeling. *Results:* to comprehend the essence of penitentiary policy is possible through the prism of understanding the content of its structural elements outlining the contours of this concept. The penitentiary doctrine, legal regulation of measures of criminal legal impact, the procedure for their execution, as well as indicators of penitentiary statistics most fully characterize the essence of national penitentiary policy. *Conclusion:* the author substantiates the essence and methodological significance of features of national penitentiary policy, which determine it as an integral political and legal phenomenon, different from other related categories used in criminal law science. It is noted that methodological aspects of penitentiary policy took shape in the second half of the XIX century – the first quarter of the XX century, thanks to the scientific schools of England, France, Germany, Italy, Belgium and Russia.

Key words: penitentiary policy; measures of criminal law impact; penal legislation; enforcement of punishments; penitentiary statistics.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ovchinnikov S.N. Features of national penitentiary policy and their methodological significance. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003.

Введение

В современной научной литературе отмечается определенный недостаток исследований, касающихся элементов пенитенциарной политики. Как показывает анализ документов стратегического планирования (например, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.), сохраняет свою актуальность запрос на развитие концептуальных положений уголовно-исполнительной политики. Несмотря на многообразие работ, посвященных отдельным вопросам в этой сфере, без должного внимания остаются методологически значимые аспекты, позволяющие глубже понять теоретические основы данного феномена.

Как правило, наибольший исследовательский интерес представляют такие теоретические конструкции, как сущность и содержание пенитенциарной политики, а также ее цели, задачи и принципы. Для любой конструкции указанные элементы являются фундаментальными, определяющими методологическую зрелость. Вместе с тем не получили достаточно научного рассмотрения признаки пенитенциарной политики, которые имеют не меньшее значение, чем вышеуказанные структурные категории. Их познание дает методологическую возможность рассуждать об эволюции пенитенциарной политики, что весьма важно при дифференциации ее моделей.

Кроме того, определение признаков пенитенциарной политики может продолжить конструктивную линию диалога о ее предметном статусе. Так, например, широко распространенным мнением в научной среде является признание пенитенциарной, иногда называемой уголовно-исполнительной, политики составной частью уголовной политики. Вместе с тем, несмотря на тесную взаимосвязь с уголовно-право-

вой материей, можно дискутировать о вспомогательной роли пенитенциарной политики.

Пенитенциарная политика в методологическом дискурсе

Методологическое значение признака весьма значимо в постмодернистской парадигме, для которой право представляет собой феномен, с одной стороны, являющийся отражением социальной реальности, а с другой – определяющий ее. Формулирование признаков того или иного феномена свидетельствует о степени или глубине познания его сущности. Основываясь на таких ключевых элементах, ученые предпринимают усилия по упорядочению знаний, что выражается в построении различных классификаций, определении периодизаций, конструировании моделей и т. д.

Эпистемология постмодерна основывается на релятивности знания и его субъективности. И. Л. Честнов, рассматривая юриспруденцию в традициях конструктивистской парадигмы, отмечает, что «для конструктивизма как парадигмы социальных наук характерны антиуниверсализм, контекстуализм социального мира, релятивизм всех социальных явлений, опровержение наивного реализма, замена объективизма интерсубъективностью (между индивидуализмом и холизмом). Одновременно социальному конструктивизму свойственны методологический индивидуализм и антропологизм: социальные явления и процессы суть ментальные представления и взаимодействия людей» [1, с. 65].

По мнению многих ученых-правоведов, восприятие постмодернистских идей способствовало преодолению догматизма, в том числе идеологического, в правовой науке. Расширение пределов научного поиска, критический взгляд на постулаты, опровер-

жение положений общепризнанных теорий и доктрин, без сомнения, позитивно влияют на продвижение познания окружающей реальности. Вместе с тем резкая смена научных парадигм может таить в себе опасность псевдонаучных утверждений, которые отвлекают научную мысль от достижения основной цели.

В этой связи уместно вспомнить дискуссии о позитивных и негативных началах юридических фикций. Выступая в роли научной гипотезы или предположения, фикции, с одной стороны, продуктивны при построении теоретических конструкций, которые в дальнейшем могут получить законодательное оформление. Так, А. И. Ситникова в качестве примера конструктивного влияния фикции на развитие правовой материи упоминает о теории стадий совершения преступления, которая была разработана советской уголовно-правовой наукой и послужила импульсом для конструирования смежных институтов в уголовном праве [2, с. 62].

В то же время фикции могут нести отрицательный заряд по причине того, что сформулированные положения зиждятся на необоснованных выводах, ошибочных расчетах или нарушении методики сбора эмпирических данных. Сконструированные на ошибочных утверждениях стратегии, концепции, доктрины, как правило, не отражают действительного положения вещей, ставят деструктивные цели и задачи, задают ошибочные векторы преобразований.

Однако эти два полюса не в полной мере представляют сущность юридических фикций. За их рамками остается широкий пласт научных идей, которые могут длительное время оставаться невостребованными, но вместе с тем это не уменьшает их научной ценности. Так, научный поиск нередко приводит к выводам, которые могут не иметь перспективы прикладной реализации по объективным причинам, например в силу господствующей доктрины, политической конъюнктуры, особенностей сложившейся правовой системы и т. д. Вместе с тем такого рода идеи весьма конструктивны, поскольку формируют конкурентную научную среду и выполняют диалогическую функцию.

Структурирование научного знания об исследуемом объекте представляет собой процесс «очищения» ее элементов от всевозможных «примесей». Например, известный австрийский позитивист Г. Кельзен использовал подобную формулировку для обоснования своего «чистого учения о праве», в котором он отождествлял право и закон, полагая, что истинным правом является правовая норма, данная в законе. Тем самым он сконструировал идеальную модель права, которая послужила методологической основой нормативистской школы права.

Современные политико-правовые исследования устремляют взор на объекты, формирующиеся на стыке взаимодействия социальной и правовой реальности. К таким объектам по праву можно отнести пенитенциарную политику, предметное поле которой формируется в процессе взаимного влияния двух вышеуказанных реальностей. При их взаимодействии социальные отношения трансформируются в правоотношения, регулируемые нормативными предпи-

саниями. Право в этом случае выступает средством обеспечения баланса публичных и частных интересов, носителями которых выступают многочисленные акторы.

Постмодернистская парадигма, расширяя рамки методологических подходов, одновременно с этим порождает соблазн для размывания принципов, на которых основывается научный поиск, таких как объективность, достоверность, обоснованность, системность и т. п. Излишний субъективизм, контекстуальность умозаключений могут привести лишь к девальвации ценности научного знания, избыточной оценочности и ангажированности. В связи с этим определение атрибутов пенитенциарной политики должно предусматривать выявление ключевых элементов, характеризующих сущность исследуемого феномена.

Признаки национальной пенитенциарной политики и их сущность

Анализ эволюции пенитенциарной политики позволяет выделить следующие признаки, которые отражают ее внутреннее содержание:

- пенитенциарная доктрина;
- легальная система уголовно-правовых последствий;
- нормативно установленные правила применения мер уголовно-правового воздействия;
- пенитенциарная статистика.

Совокупность данных атрибутов дает возможность в полной мере говорить о сформировавшейся конструкции пенитенциарной политики того или иного государства, осуществляемой на основах научной обоснованности, целенаправленности, рациональности и сбалансированности применения мер уголовной репрессии.

Поскольку представленный подход к познанию пенитенциарной политики в науке уголовного и уголовно-исполнительного права не применялся, рассмотрим более подробно сущность каждого из выделяемых признаков.

Пенитенциарная доктрина. При изучении институционализации пенитенциарной политики принципиальное значение имеет наличие соответствующей научной доктрины. Основное место в ней занимает учение о наказании и его исполнении. Именно этот фокус позволяет сепарировать ее от уголовно-правовой доктрины, в недрах которой она первоначально развивалась.

Доктринальные основы современного понимания наказания были заложены в XVIII в. С. В. Познышев связывает появление пенитенциарной науки с именем английского филантропа Д. Говарда: «пенитенциарная наука – достижение нового времени. Она существует всего с небольшим столетием, что для научной отрасли составляет очень небольшой срок. Начало ей положили те описания ужасов и безобразий старых тюрем, с более или менее подробными указаниями на желательные их изменения, которые стали появляться с конца XVIII столетия. Почин литературе этого рода положил англичанин Джон Говард» [3, с. 7]. Однако в полном смысле работы Д. Говарда не имели доктринального характера, они представляли

собой описания тех тюремных заведений, которые он посещал по всему миру, и включали предложения по их реформированию.

Следует отметить, что важное значение для реформирования системы исполнения наказаний имела деятельность таких соотечественников Д. Говарда, как В. Веннинг и Э. Фрай, выступавших за гуманизацию пенитенциарной системы. Так, И. Я. Фойницкий указывает, что идея по созданию в России Попечительного общества о тюрьмах, реализованная в 1819 г., принадлежала В. Веннингу, который также предлагал «перестроить все тюрьмы, классифицировать заключенных по нравственным категориям и занять их обязательными работами с применением религиозно-нравственного воспитания» [4, с. 294–295].

На филантропических началах основывалась деятельность Э. Фрай, которая занималась благотворительностью в английских тюрьмах и высказывала прогрессивные для того времени идеи о гуманизации исполнения наказаний в отношении женщин и несовершеннолетних.

К этой же эпохе принадлежит творчество английского философа-утилитариста И. Бентам – автора таких работ, как «Введение в принципы морали и законодательства», «Деонтология, или Наука о морали», «Основные начала уголовного кодекса», «Паноптикум» и др. Идею паноптикума, которую впоследствии называли моделью идеальной тюрьмы, И. Бентам изложил в серии писем своему другу. С одной стороны, теоретическая модель представляла собой архитектурное решение по созданию специального заведения (тюрьма, работный дом, психиатрическая больница и т. д.), в котором возможно обеспечивать постоянный надзор за содержащимися в нем лицами. С другой – автор видел в такой организации пенитенциарного дела возможность реализации средств исправления осужденных, к которым относил «обязательный труд, неуспынный надзор и возбуждение воображения заключенных путем религиозных обрядов» [4, с. 290]. Также предлагаемая модель пенитенциарного учреждения предусматривала решение проблем, связанных с условиями содержания осужденных.

Концепция о рационализации наказания была также присуща французским философам эпохи Просвещения. Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, К. Гельвеций, П.-А. Гольбах, Д. Дидро и др., «ратовавшие за рационализацию правоохранительной деятельности государства, за кодификацию уголовно-процессуальных норм и смягчение уголовных наказаний, фактически подготавливали основания для появления более эффективной, чем власть монарха, системы социального контроля. В этой системе власть должна была утратить черты произвола и оказалась связана определенными правилами. Она вынуждена была признать в индивиде субъекта, наделенного определенными правами и свободами, и пользоваться наказаниями только в строго нормированной дозе» [5, с. 764].

Философы-просветители не отрицали систему государственного принуждения, которая выполняла репрессивные функции, назначая и исполняя нака-

зания порой самыми жестокими способами. М. Фуко наглядно демонстрирует уголовное судопроизводство Франции того времени в описании казни Р.-Ф. Дамьена (солдат, нанесший удар ножом Людовику XV), которая состоялась 2 марта 1757 г.: «его надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горячей свечой весом в два фута в руках, затем в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздирания раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр возвести на сооруженную плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленив его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру» [6, с. 7].

Такая иллюстрация судебной системы больше напоминает средневековую инквизицию, нежели Францию середины XVIII в., которую принято представлять, говоря о французских просветителях.

В этих условиях гуманистическая мысль искала обоснование новой роли человека, становящегося носителем неотчуждаемых прав, ограничение или лишение которых не могло быть осуществлено в безусловном порядке. Человек получил правовое измерение, и наказание, соответственно, должно применяться с учетом новых реалий. В частности, для Ш. Монтескье эффективность наказания измерялась не в его жесткости, а в неотвратимости. Кроме того, функция наказания состоит, прежде всего, в предупреждении последующих преступных деяний. Для этого преступность деяний должна быть установлена законом, в котором определяется соответствие меры наказания тяжести совершенного преступления. Ш. Монтескье так пишет о соразмерности наказания: «Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу большой вред, чем менее серьезные» [7, с. 238].

А. А. Герцензон, рассматривая влияние работ Ш. Монтескье и французских политических учений на формирование теории наказания, указывает, что «Монтескье высказывается за экономию карательных средств: недостатки борьбы с преступностью состоят не в слабости наказаний, а в безнаказанности преступлений. Он считает вместе с тем важным, чтобы «самая чувствительная часть наказания» состояла в «позоре быть подвергнутым стыду»» [8, с. 33].

Особенное значение имела концепция депенализации, в рамках которой в XVIII в. высказывались аргументы о необходимости сокращения практики применения смертной казни или вовсе ее отмены.

Несмотря на свой гуманизм Ш. Монтескье не отрицает необходимости и обоснованности применения смертной казни. Так, по его мнению, «смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осу-

дившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него» [7, с. 363].

Вместе с тем Вольтер был более категоричен в отношении смертной казни. В статьях «Смертные приговоры» и «Казни» он рассматривал смертную казнь как вид юридического убийства и разделял мысль о бесцельности и бесполезности таковой [8]. Основываясь на утилитарных позициях, Вольтер высказывает идею о том, что «вместо смертной казни было бы целесообразнее заставить осужденных сооружать большие дороги, проселочные пути, распахивать не возделанные земли и т. д.» [9, с. 203].

Просветительно-гуманистические идеи нашли своих сторонников и за пределами Франции. Их доктринальные положения были развиты в трудах известного итальянского философа Ч. Беккариа. А. А. Герцензон так оценивает влияние ученых-энциклопедистов на творчество итальянского гуманиста: «достаточно сопоставить труд Беккариа и труды Монтескье, даты появления первого и вторых, чтобы безошибочно признать приоритет Монтескье над Беккариа. Беккариа развил, конкретизировал, систематизировал, популяризировал взгляды Монтескье в области уголовного права и процесса; в небольшой мере он воспринял, правда, и взгляды Руссо, но основное в области уголовного права он заимствовал у Монтескье» [8, с. 36]. Влияние просветителей отнюдь не было односторонним. Например, нельзя не отметить, что труд Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в свою очередь, повлиял на творчество Вольтера, побудив его к написанию и изданию в 1766 г. фундаментального произведения «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях», в котором он выразил свои уголовно-правовые взгляды.

Также было бы ошибкой редуцировать творчество Ч. Беккариа до уровня копирования прогрессивных идей своих предшественников и современников, насколько бы великими они не были. Например, он существенно расширил концепцию дифференциации наказаний в зависимости от характера преступлений. Так, Ч. Беккариа в работе «О преступлении и наказаниях» упоминает о «лестнице преступлений», которой соответствует «лестница наказаний», что представляет собой интерпретацию принципа справедливости в современном его понимании. В параграфе «Кража» он рассуждает об институте замены наказания. В частности, исходя из необходимости наказывать кражу только денежным взысканием, Ч. Беккариа предлагает назначать наказания, связанные с принудительным трудом, взамен штрафа, который взыскать весьма проблематично в силу того, что, как правило, причиной корыстных преступлений становится нужда.

Ч. Беккариа изложил свой подход к сущности, цели и функциям наказания следующим образом: «Чтобы наказание не являлось насилием одного или многих над отдельным гражданином, оно должно непременно быть публичным, незамедлительным, необходимым, наименьшим из возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению, установленным в законах» [10, с. 411–412].

В этих словах видна эволюция пенитенциарной мысли. Примечательно, что автор признает необходимость публичного характера наказания. В этом проявилось сословное неравенство феодального общества. Здесь можно усмотреть определенную непоследовательность гуманистических идей философа, отдававшего приоритет рациональной идее предупреждения преступности, нежели устрашению. Публичность казней в большей степени была направлена на иллюстрацию возмездия и, по словам М. Фуко, напоминала церемониал, который детально прописывался в приговорах, где эпизоды казни «никогда не забывали перечислять, насколько важны они были для судебного-правового механизма: шествия, остановки на перекрестках, стояние у церковных ворот, публичное оглашение приговора, преклонение колен, принародное покаяние в прегрешении против Бога и короля» [6, с. 64].

Умеренный гуманизм также присущ рассуждениям Ч. Беккариа о проблеме смертной казни. Он, как и Ш. Монтескье, допускал возможность применения смертной казни, но только лишь в крайних случаях. К ним он относит обстоятельства, при которых сохранение жизни преступнику «угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления» [10, с. 316]. Решение вопроса о пределах применения смертной казни был оставлен последователям идей гуманизма, которые выделились в XIX в. в несколько научных направлений.

Доктринальные положения о сущности наказания были изложены в немецкой классической философии. И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте и А. Фейербах выражали различные взгляды на природу наказания, развивая тем самым начала абсолютной и относительной теорий наказания. Для немецкой философской традиции XVIII в. в большей степени характерен метафизический подход к познанию уголовно-правовой реальности и ее элементов, прежде всего истоков уголовной ответственности.

Учение И. Канта о наказании основывается на концепте о свободе воли, абсолютизирующей поведение человека как существа разумного. А. А. Пионтковский в своей докторской диссертации, которую он защитил в 1939 г., так писал о понимании И. Кантом практического разума: «Практический разум есть человеческая воля, действующая сообразно с понятием чистого разума. Область практического разума есть область поведения людей как разумных существ» [11, с. 25]. Автономность воли человека, основывающаяся на нравственном законе, не может быть детерминирована природными или иными факторами. Соответственно, согласно И. Канту, любой поступок человек совершает осознанно, понимая его последствия как для окружающих, так и для себя. Он не признавал правомерным деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости. Это подтверждается следующими словами: «необходимость, причинная обусловленность человеческого поведения для Канта, поэтому никогда не уничтожает трансцендентальную свободу человека, а следовательно, и свободы в области его практического поведения и вменения

ему совершенного поступка» [11, с. 32]. Однако в своей «Антропологии» немецкий философ уделяет внимание особенностям ответственности за деяние, совершенное невменяемым лицом.

И. Кант, основываясь на общем учении о человеке как «вещи в себе», выступает против утилитарных целей наказания, поскольку человек не может быть средством достижения чьих-либо целей. Вместе с тем результат применения наказания видится в достижении справедливости, которая возведена в абсолюте. Например, И. Кант выступает сторонником смертной казни и считает ее требованием справедливости. В случае совершения изнасилования справедливость, по его мнению, может быть восстановлена лишь путем кастрации. «Осуществление требования карательной справедливости за скотоложство Кант видит в удалении преступника навсегда из гражданского общества, так как своими действиями он уничтожил свое человеческое достоинство» [11, с. 56].

Исходя из своей логики о свободе воли и неотвратимости справедливости, И. Кант отрицает возможность освобождения преступника от наказания или его помилования. Им допускается возможность помилования главой государства лишь в случае, если преступление было совершено в отношении него самого.

Более юридическую форму приобретают философские воззрения на природу наказания в трудах А. Фейербаха. Он в отличие от И. Канта отделяет мораль от права и наказанию придает правовую форму. Человек в уголовно-правовых воззрениях А. Фейербаха не ассоциируется с трансцендентным существом, лишенным каких-либо чувственных начал, а рассматривается им как «сосредоточение определенных страстей, пороков и добродетелей не в их конкретном единстве, а как некую арену, на которой борются между собой страсти, каждая из которых разбивается по своим собственным законам» [11, с. 86]. Исходя из этого тезиса, задача наказания в учении А. Фейербаха состоит в воздействии «на рассудок, чтобы он мог одержать победу над страстями и стремлениями, влекущими к совершению преступлений» [11, с. 86].

В системном виде свои доктринальные взгляды на наказание как меру государственного принуждения А. Фейербах изложил в работе «Уголовное право», которое было опубликовано в России в 1810 г. (Первая книга) и 1812 г. (Вторая книга). Это было одно из первых произведений по уголовному праву, изданных в России. В Первой книге «Философическая или всеобщая часть уголовного права» представлена система уголовного права. Большое внимание уделяется цели, принципам и видам наказаний.

Говоря о цели наказания, А. Фейербах видит ее в том, что «всякое наказание имеет ту необходимую (главную) цель, чтобы, угрожая оным, отвратить всех от преступления» [12, с. 122]. При этом он указывает на «побочные цели» наказания, к которым относит непосредственное отвращение от преступления, обеспечение безопасности и законное исправление осужденного [12, с. 122].

Наказание основывается на таких принципах, как законодательная определенность, публичность,

виновность, принудительность. При этом «простые наказания» могут применяться непублично, в целях исправления самих осужденных. Также им категорически отрицается возможность коллективного наказания.

А. Фейербах систематизирует наказания, разделяя их первоначально на две группы: «именованные» и «неименованные». К последним он относит «лишение известных каких прав и привилегий, запрещение некоторых, впрочем, дозволенных деяний и исправления дел, например, запрещение какого промысла, отрешение от стряпческой должности и проч.» [12, с. 130]. «Именованные» виды наказания, в свою очередь, разделяются на психологические и механические, или физические. Психологические наказания напрямую связаны с лишением чести и всех состояний либо с публичным покаянием, а также наказаниями, порочащими человека (привязывание к позорному столбу, клеймение и т. п.). К данной категории А. Фейербах относит также денежные штрафы и конфискацию.

Группа «механических» наказаний включает в себя смертную казнь (простую и квалифицированную), членовредительские и телесные наказания, наказания, связанные с лишением свободы (ссылка, заточение в крепость, заключение в тюрьму или смирительный дом). Следует отметить, что наказание «публичными работами... под строгим присмотром... на публичных местах в пользу Государства» [12, с. 134] также отнесены к наказаниям, связанным с лишением свободы.

Важной частью теории наказания А. Фейербаха является дифференциация строгости наказания. В основе такой иерархии находится тяжесть совершенного преступления. Как указывается в «Уголовном праве», «наказание бывает тем больше, чем более зла в себе содержит» [12, с. 139]. Соответственно, самым строгим является смертная казнь. За ней следуют пожизненное лишение свободы, членовредительские наказания, телесные наказания с лишением чести и прав состояния, порочащие наказания без применения телесного воздействия, конфискация имущества, пожизненная ссылка, легкие телесные наказания, лишение свободы на определенный срок, публичное раскаяние, денежный штраф [12, с. 139].

Основываясь на вышесказанном, можно заключить, что к концу XVIII – началу XIX в. сформировались несколько центров научной мысли, где развивались идеи о наказании и его применении. К ним можно отнести Англию, Францию, Италию и Германию (Пруссию). В последующем пенитенциарная доктрина существенно раздвинула географические рамки. Сформировавшиеся идеи получили самостоятельное развитие в США, Бельгии, России и других национальных научных школах. Огромную роль в этом сыграли развивающаяся система академических обменов в университетской среде и возникновение практики международных пенитенциарных конгрессов.

Следующим неотъемлемым признаком пенитенциарной политики, на наш взгляд, является наличие легальной системы уголовно-правовых последствий. Несмотря на эволюционный процесс формирования

правовых основ наказания, можно утверждать, что система наказаний в современном ее понимании берет свое начало с кодифицированных актов начала XIX в. Несложно догадаться, что это было в определенной степени следствием развития учения о наказании. Роль научных трудов была велика не только при систематизации уголовного законодательства, но и в судебной практике. На это указывает А. А. Герцензон, говоря о состоянии правовой системы Франции XVIII в.: «в качестве источника уголовного права пользовались и трудами ученых юристов. Таковы были многочисленные и весьма и весьма неопределенные источники французского уголовного права, которыми пользовались суды королевской юрисдикции» [8, с. 5]. Это подтверждает тезис об отсутствии в национальных юрисдикциях нормативно закрепленной системы уголовно-правовых последствий. В то же время множество нормативных актов, существовавших на территории различных государств, не позволяли преодолеть хаотичность правоприменения. Так, например, С. А. Васильева со ссылкой на английского историка Дж. Тревелияна характеризует состояние уголовного судопроизводства Англии XVIII в. как «нелогичный хаос законов», который возмущал общественность, мотивировал правоведов к поиску разрешения юридической коллизии, а интеллектуалов озадачивал моральной дилеммой [13, с. 131].

С возникновением первых уголовных законов закрепляется перечень мер уголовного реагирования, который первоначально состоял из наказаний, назначаемых за совершение преступного деяния. Как правило, весь спектр уголовных наказаний был ограничен с одной стороны смертной казнью, а с другой – денежным штрафом. Такая шкала наказаний в несколько трансформированном виде актуальна и для нынешнего времени. Именно этот концепт дает нам основание полагать, что система уголовно-правовых последствий в ее легальном закреплении как признак пенитенциарной политики сформировалась и была оформлена именно на рубеже XVIII–XIX в. преимущественно в странах Европы. В дальнейшем она претерпевала изменения под воздействием факторов различного порядка: научного переосмысления, социального запроса, политической конъюнктуры и т. д.

Иллюстрируя представленный тезис, можно опереться на наиболее изученные уголовные законы европейских государств той эпохи. Общая тенденция прослеживается на уголовном законодательстве Франции, Германии (Пруссии и иных германских государств) и Италии.

Подробное исследование этой проблемы провел в свое время профессор С. О. Богородский и опубликовал в 1862 г. на эту тему «Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века». В ней он представил подробный анализ генезиса уголовного законодательства европейских стран, что весьма полезно для понимания процесса становления и нормативного установления системы уголовных наказаний.

Юридическая догматика повлияла на процесс систематизации норм, регулирующих публично-правовую сферу. Одними из первых уголовных кодифицированных актов стали уголовные законы Франции и

Баварии. Известный французский криминолог М. Ансель отмечал, что они имели большое значение для дальнейшего развития уголовного законодательства европейских государств. Законотворческий процесс второй половины XIX в. он называет великим неоклассическим периодом, целью которого являлось сделать уголовные кодексы «более совершенными, чем те, которые послужили для них образцом, а именно чем французский и баварский кодексы начала века» [14, с. 61]. На это же указывает и профессор М. А. Чельцов-Бебутов, отмечая прогрессивность этих нормативных правовых актов для будущего построения уголовного законодательства [15, с. 29].

Одно из главных достоинств французского и баварского уголовных уложений состояло в том, что в них была предпринята попытка отделить общие положения от особенной части. Это свидетельствовало о системности подхода к применению наказания. Так, например, первая книга Уголовного уложения Франции (1810 г.) была посвящена наказаниям, разделявшимся на уголовные исправительные и полицейские. Были установлены общие правила их применения. Кроме того, в этой же части Уголовного уложения упоминается о постпенитенциарном надзоре, который устанавливается в отношении лиц, отбывших каторжные работы или освободившихся из смирительного дома. Также не лишним будет отметить, что данный уголовный закон просуществовал с определенными изменениями вплоть до вступления в силу в 1994 г. нового Уголовного кодекса Франции.

Баварское Уголовное уложение 1813 г. не менее значимо, хотя и действовало не так долго, как предыдущий французский уголовный закон. Проект данного уложения был составлен при непосредственном участии А. Фейербаха, который, основываясь на своих философских идеях, выстроил систему уголовного закона. Вместе с тем С. О. Богородский критически относился к системе наказаний, включавшей смертную казнь, телесные и позорящие наказания, преследовавшие весьма архаичную цель устрашения. В то же время профессор Потсдамского университета У. Хелльманн так характеризует значение Баварского Уголовного уложения 1813 г.: «А. Фейербах заложил основу для уголовного права, присущего правовому государству. Несмотря на все недостатки, Уголовное уложение А. Фейербаха стало образцом уголовного права того времени... Уголовное уложение Баварии оказало решающее влияние на дальнейшие кодификации в Германии» [16, с. 120].

В дальнейшем уголовное законодательство пошло именно по пути систематизации правовых норм, разделяя их на общую и особенную части. Тем самым в такой конструкции доктринальные положения о преступлении и наказании, ранее разрабатываемые философской догматикой, получили легальное закрепление и сформировали систему уголовно-правовых последствий, наступающих за совершение противоправных деяний. Данное обстоятельство позволяет отнести этот признак к числу системообразующих признаков пенитенциарной политики.

Другим методологически значимым признаком пенитенциарной политики можно назвать наличие

нормативно установленных правил применения мер уголовно-правового воздействия, определяющих положения, на которых основывается система исполнения наказаний (цели, принципы), правовое положение осужденных, а также правовой механизм реализации соответствующих мер государственного принуждения.

Анализ зарубежного и отечественного законодательства указывает на пестроту нормативных предписаний, которые имели место в XVIII в. и в более ранние времена. Они были достаточно казуистичны, поскольку предполагали нормативное закрепление отдельных аспектов организации исполнения наказаний, например регламентирование некоторых процедур, сопутствующих приведению смертной казни в исполнение, этапирование осужденных, клеймение или исполнение телесных наказаний, осуществление надзора за осужденными и многие другие стороны пенитенциарного дела. Это объяснялось существенными различиями социально-экономического развития, зрелостью политических институтов, ментальными и социокультурными особенностями населения, уровнем развития науки и образования, а также многими другими, более частными факторами.

Вместе с тем такое положение вещей характеризовало общую картину состояния правового регулирования исполнения уголовных наказаний, что, в свою очередь, уже свидетельствовало о наличии универсальной траектории эволюции пенитенциарного законодательства.

Не вызывает сомнений тот факт, что эволюция уголовно-исполнительного законодательства и практики исполнения уголовных наказаний происходила в определенном направлении. Этот вектор был задан идеями Просвещения о гуманизации уголовной юстиции, которые были нормативно закреплены в первых уголовных законах и в последующем получили свое развитие в ходе дальнейших реформ национальных уголовно-правовых систем. К таким системообразующим прогрессивным правовым постулатам можно отнести принципы законности и юридического равенства, запрет пыток и иного бесчеловечного обращения, а также исправления осужденного как основной цели исполнения наказания.

Формирование правового пространства происходило на основании обобщения национального и зарубежного опыта. Существенное значение имели внеправовые формы поиска передовых способов исполнения уголовных наказаний. Отсутствие жесткого регулирования пенитенциарной сферы давало широкие возможности для экспериментального подхода в данной сфере. Необходимость в преодолении негативных сторон тюремного заключения, таких как переполненность мест изоляции, ненадлежащие санитарно-гигиенические, отсутствие дифференциации осужденных и лиц, содержащихся под стражей, послужили импульсом для появления, например, пенсильванской и оборнской пенитенциарных систем, прогрессивной системы отбывания наказания, основанной на изменении условий отбывания наказания в зависимости от отбытого срока и поведения осужденного, а также внедрения многих других инно-

ваций, направленных на гуманизацию и рационализацию уголовно-исполнительной практики.

Рассматривая процесс легитимизации пенитенциарной практики, нельзя обойти вниманием деятельность Международных пенитенциарных конгрессов, которые с 1872 г. начали регулярно проводить съезды, объединявшие представителей стран, приглашенных к участию, а также известных ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии. И. Я. Фойницкий так характеризовал цель их работы: «собрание данных тюремного опыта, сопоставление сведений о деятельности разных тюремных систем, а равно сравнение как карательного действия разных наказаний, так и иных способов, практикуемых в разных государствах для кары и для предупреждения преступных деяний» [17, с. 344].

Обобщение пенитенциарной практики и понимание необходимости реформирования уголовно-исполнительной сферы повлияли на процесс систематизации законодательства, который начался в первой четверти прошлого столетия. Именно в это время появляются первые законы, которые представляют собой систематизированные нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, например, в 1923 г. в Германии был принят «Закон об уголовной ответственности несовершеннолетних» (*Jugendgerichtsgesetz*), «который не только предписал исполнение наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних в особых учреждениях, но также впервые объявил воспитание юных преступников основной целью исполнения наказания в виде лишения свободы» [18, с. 81]. При этом закона, который бы регламентировал общие правила исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, в Германии в первой четверти XX в. принято так и не было. По инициативе министра юстиции Веймарской республики Г. Радбруха 7 июня 1923 г. Рейхстагом были утверждены «Принципы исполнения наказаний в виде лишения свободы» (*Grundsätze für den Vollzug von Freiheitsstrafen*), закреплявшие общие положения об исполнении наказаний.

Следует отметить, что Советская Россия в это время была в авангарде процесса становления пенитенциарного законодательства. В частности, Постановлением ВЦИК от 16.10.1924 был принят нормативный правовой акт «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР», закрепивший требования к системе исполнения уголовных наказаний.

Вместе с тем важно понимать, что значение законодательных актов заключалось не только в юридико-техническом оформлении правовых предписаний. Первостепенное их назначение виделось в сущностном определении пределов вмешательства государства в правовое положение человека, которое с помощью установления правовых ограничений, запретов и возложения специальных обязанностей могло оказывать воздействие на осужденного, дифференцируя тем самым степень уголовной репрессии.

Четвертым признаком, который придает пенитенциарной политике свойства системности и измеримости, является пенитенциарная статистика.

Формирование уголовной статистики у многих ассоциируется с фамилией бельгийского ученого Адольфа Кетле, пытавшегося на междисциплинарной основе найти статистические закономерности между рождаемостью и смертностью, преступлением и наказанием, а также между иными социальными явлениями. Позитивистская парадигма, центральным звеном которой был детерминизм в самых широких масштабах, позволила ученому сформулировать идею о бюджете преступности. Он, по его мнению, «уплачивается с поразительной правильностью – это бюджет темниц, каторги и эшафотов» [19, с. 7]. Говоря о прогнозируемости преступности, ученый отмечал, что «можно заранее вычислить сколько индивидуумов замарают руки в крови своих близких, сколько явится делателей фальшивых бумаг, сколько отравителей и проч., почти также как можно вычислить количество будущих рождений и смертных случаев» [19, с. 7].

По мнению М. Н. Гернета, к числу первых ученых, работы которых относятся к отрасли уголовной статистики, можно добавить еще одного бельгийца Э. Дюкплетю и француза А.-М. Герри. С их трудами он связывает развитие морально-статистической литературы, которое «начинается лишь с тридцатых годов девятнадцатого века, когда начали систематически собирать сведения о движении преступности сначала во Франции, потом в Бельгии и в других государствах» [20, с. 12–13]. Вместе с тем М. Н. Гернет упоминает о незаслуженно забытом имени академика Н. Ф. Германа, который первым среди российских ученых обратил внимание на закономерности в сфере преступности и изложил их в своем докладе 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г. «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы» [20, с. 13]. Однако, «когда Герман сделал свой доклад в заседаниях Академии Наук и прислал его А. С. Шишкову для напечатания, последний дал о нем самый резкий отзыв: “Статью о исчислении смертоубийств и самоубийств, приключившихся в два минувшие года в России, не почитаю к чему-нибудь нужною, но и вредною. ... Мне кажется, подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение”» [20, с. 14]. Такова была официальная позиция, повлиявшая во многом на будущее развитие в России уголовной статистики.

Появление пенитенциарной статистики происходило, как правило, позже, чем уголовной статистики. В то же время исключением из данного правила была Швейцария, где сведения о количестве осужденных и их движении появились раньше [19, с. 38]. Пионером в сфере тюремной статистики была Франция, где,

как уже выше отмечалось, сформировались основы официальной уголовной статистики. Статистические данные об осужденных начали публиковаться в сборнике «Пенитенциарная статистика». В нем представлялись «сведения о движении населения тюрем за год, о делении его по полу, профессиям, национальности, религии, семейному состоянию, о заработке в тюрьме, обучении в местах заключения, преступлениях, там совершенных, самоубийствах, дисциплинарных наказаниях и проч.» [20, с. 39].

Наряду с этим М. Н. Гернет связывает становление тюремной статистики в России с созданием в 1879 г. Главного тюремного управления, опубликовавшего свой первый отчет в 1882 г. Вместе с тем нельзя оставлять без внимания тот факт, что первые статистические сведения публиковались уже в материалах по судебной реформе 1864 г.

В дальнейшем уголовная и пенитенциарная статистика по мере детализации собираемых данных и совершенствования методики их обработки стала важным инструментом пенитенциарной политики, поскольку предоставила возможность мониторинга результатов применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Кроме того, пенитенциарная статистика получила широкую востребованность в процессе совершенствования законодательства и правоприменительной практики, выработки концептуальных подходов к модернизации системы исполнения уголовных наказаний, прогнозирования потенциальных рисков принимаемых решений. Тем самым использование статистических данных является неотъемлемым элементом пенитенциарной политики.

Вывод

Резюмируя полученные результаты исследования признаков пенитенциарной политики, следует отметить, что они имеют важное методологическое значение, поскольку позволяют определить контуры пенитенциарной политики как политико-правового феномена. К таким признакам следует отнести пенитенциарную доктрину, легальную систему уголовно-правовых последствий, нормативно установленные правила исполнения мер уголовно-правового воздействия и пенитенциарную статистику. Их наличие наиболее полно характеризует конвергенцию социальной и правовой реальности, определяющую онтологическое содержание национальной пенитенциарной политики. Рассмотрение данных признаков через призму истоков пенитенциарной политики свидетельствует о том, что процесс ее становления приходится на вторую половину XIX – первую четверть XX в. Наиболее активное формирование основ пенитенциарной политики отмечается в таких странах Западной Европы, как Англия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, а также Россия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 62–93.

2. Ситникова А. И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.
3. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 367 с.
4. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. 464 с.
5. Бачинин В. А. Социология. Академический курс. СПб., 2004. 871 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер с франц. В. Наумов. М., 2023. 416 с.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 779 с.
8. Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. М., 1962. 320 с.
9. Вольтер Ф. М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / пер. с франц. Н. Лапшина. М., 1956. 339 с.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер с итал. М. М. Исаев. М., 1939. 463 с.
11. Пионтовский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. 192 с.
12. Фейербах А. Уголовное право : в 3 кн. СПб., 1810. Кн. 1. 146 с.
13. Васильева С. А. Генезис и эволюция доктрины пенитенциаризма в англо-американском социокультурном пространстве (конец XVII – начало XIX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2022. 540 с.
14. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. Н. С. Лапшиной. М., 1970. 312 с.
15. Чельцов-Бебутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. 112 с.
16. Хелльманн У., Сатолин В. Н. История немецкого Уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 118–124.
17. Фойницкий И. Я. Пенитенциарный конгресс в Риме // Вестник Европы. 1886. Т. II, кн. 3. С. 340–374.
18. Бурцев А. Н. Пенитенциарная система Германии в XVI – нач. XXI вв. (историко-юридическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 223 с.
19. Кетле А. Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1. 128 с.
20. Гернет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. 295 с.

REFERENCES

1. Chestnov I.L. Constructivist paradigm in law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2016, no. 2 (325), pp. 62–93. (In Russ.).
2. Sitnikova A.I. Fictions in criminal law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2008, no. 1, pp. 60–67. (In Russ.).
3. Poznyshv S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 367 p.
4. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 464 p.
5. Bachinin V.A. *Sotsiologiya. Akademicheskii kurs* [Sociology. Academic course]. Saint Petersburg, 2004. 871 p.
6. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. by V. Naumov. Moscow, 2023. 416 p.
7. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1955. 779 p.
8. Herzenzon A.A. *Problema zakonnosti i pravosudiya vo frantsuzskikh politicheskikh ucheniyakh XVIII veka* [The problem of legality and justice in French political teachings of the 18th century]. Moscow, 1962. 320 p.
9. Voltaire F.M. *Izbrannye proizvedeniya po ugovnomu pravu i protsessu* [Selected works on criminal law and procedure]. Transl. from French by Lapshin N. Moscow, 1956. 339 p.
10. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Transl. from Italian by Isaev M.M. Moscow, 1939. 463 p.
11. Piontkovskii A.A. *Ugovovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Feierbakha i Fikhte* [Criminal law views of Kant, A. Feuerbach and Fichte]. Moscow, 1940. 192 p.
12. Feuerbach A. *Ugovovnoe pravo: v 3 kn. Kn. 1* [Criminal law: in 3 books. Book 1]. Saint Petersburg, 1810. 146 p.
13. Vasil'eva S.A. *Genezis i evolyutsiya doktriny penitentsiarizma v anglo-amerikanskom sotsiokul'turnom prostranstve (konets XVII – nacha-lo XIX vv.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Genesis and evolution of the doctrine of penitentiary in the Anglo-American socio-cultural space (late 17th – early 19th centuries): Doctor of Sciences (History) dissertation]. Ryazan, 2022. 540 p.
14. Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugovolnoi politike)* [New social protection (humanistic movement in criminal policy)]. Transl. from French by Lapshina N.S. Moscow, 1970. 312 p.
15. Chel'tsov-Bebutov M.A. *Prestuplenie i nakazanie v istorii i v sovetskom prave* [Crime and punishment in history and in Soviet law]. Kharkov, 1925. 112 p.
16. Hellmann U., Satolin V.N. The history of the German Criminal Code *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2019, no. 2, pp. 118–124. (In Russ.).
17. Foinitskii I.Ya. Penitentiary Congress in Rome. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1886, vol. II, no. 3, pp. 340–374. (In Russ.).
18. Burtsev A.N. *Penitentsiarnaya sistema Germanii v XVI – nach. XXI vv. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [The penitentiary system of Germany in the 16th – beginning of the 21st century (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2007. 223 p.
19. Kettle A. *Chelovek i razvitie ego sposobnostei ili opyt obshche-stvennoi fiziki: v 2 t. T. 1* [Man and development of his abilities or experience of general physics: in 2 vols. Volume 1]. Saint Petersburg, 1865. 128 p.
20. Gernet M.N. *Moral'naya statistika (ugolovnaya statistika i statistika samoubiystv)* [Moral statistics (criminal statistics and statistics of suicides)]. Moscow, 1922. 295 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОВЧИННИКОВ – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

SERGEI N. OVCHINNIKOV – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

Статья поступила 13.12.2023